

Р. П. Чернов

ПРЕСТУПЛЕНИЕ. ПРОЛЕГОМЕНЫ И МЕТОД

СБОРНИК ЛЮДОЛОГИЧЕСКИХ
СОЧИНЕНИЙ

Рустам Чернов

**Преступление. Прологомены
и метод. Сборник
людологических сочинений**

«Издательские решения»

Чернов Р. П.

Преступление. Прологомены и метод. Сборник лудологических сочинений / Р. П. Чернов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938444-7

В настоящем издании представлены первые две книги, посвященные проблематике понятия преступления, признаков преступления, состава преступления, методологии уголовного права, криминологии. К указанной проблематике автором применен лудологический (ludo — играю, logos — знание) метод познания. Книга адресована законодателям, правоприменителям, преподавателям, студентам юридических учебных заведений.

ISBN 978-5-44-938444-7

© Чернов Р. П.
© Издательские решения

Содержание

Книга первая. Прологомены	6
Категория «преступление» с точки зрения лудологического подхода ¹	6
К вопросу об оценке преступления в уголовном праве ²	9
О необходимости универсализации мер по борьбе с отдельными формами организованной преступности ⁶	11
Методологические основы формирования универсального понятия преступления ⁷	13
Преступление как целостная парадигма бытия ⁸	15
Проблемы понятия «преступление»	18
Предисловие	18
1. Введение	18
2. О предмете	19
2.1. «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания» (ч.1 ст.14 УК РФ 1996г.).	21
3. О методе	26
Заключение	27
О составе преступления ¹⁷	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Преступление. Прологомены и метод **Сборник людологических сочинений**

Рустам Павлович Чернов

Иллюстратор Микеланджело Меризи (Караваджо)

© Рустам Павлович Чернов, 2020

© Микеланджело Меризи (Караваджо), иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4493-8444-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга первая. Прологомены

Категория «преступление» с точки зрения людологического подхода¹

Данная работа представляет собой людологический анализ важнейшей категории уголовного права – преступления. Людологический анализ означает анализ с точки зрения игры, анализ *sub specie ludi* (под углом зрения игры). Мне пришлось внести в оборот термин «людология» прежде всего из-за того, что я постоянно испытывал необходимость не описывать, а называть тот комплекс методов и приемов, при помощи которого можно анализировать реальность как игру. Отсюда и этимология: «*ludo*» – играю, «*logos*» – знание.

Людология исходит из того, что все сущее имеет две формы бытия: в возможности и в действительности. Бытие в возможности – это область существования вещей, которые опосредованы мыслью, другими словами, это бытие мысли. Бытие в действительности – это реально, чувственно и вербально воспринимаемый мир. Возможность всегда реализуется в действительность – нет ничего такого в области мысли, чего мы бы не находили в реальности. Не поймите это буквально, мы не имеем в виду идентичность идеи и предмета, речь идет лишь о том, что наша мысль всегда находит подтверждение своему существованию в чувствах, благодаря которым мы воспринимаем вещи. Возможность, таким образом, с необходимостью реализуется в действительность. Процесс перехода и конечный результат его (бытие в действительности) Стагирит (Аристотель) назвал энтелехией. С точки зрения людологии энтелехия есть игра, то есть процесс реализации потенциального бытия в реальность является игрой. На примере экзистенции человека это можно охарактеризовать следующим образом. Бытие в возможности – это область бытия мысли, то есть существование человека характеризуется следующим образом – *cogito ergo sum* (мыслю, следовательно, существую), а бытие в действительности человека характеризуется как *ludo ergo sum* (играю, следовательно, существую). В области мысли человек существует на уровне «третьего человека» Платона, «как идея», в жизни же он персонифицируется и это происходит вследствие того, что человек существует как комплекс масок, которые он меняет в течение жизни. Игра формирует и структурирует бытие человека.

Что такое игра? На языке метафизики можно было бы выразиться так: игра – это то, что одухотворяет и приводит в жизнь мертвую материю, придавая ей законченную форму. Научное определение выглядит следующим образом: игра есть формообразующая константа бытия, всего биологически живого. Это нетрудно проверить эмпирически. Так, мир животных есть мир моно игр, характеризующихся отсутствием выбора, времени, способности управлять, осознавать, творить игру. И, напротив, мир человеческий – это мир дифференцированного комплекса игр, имманентно присущими чертами которого являются свобода выбора, временные рамки, способность творить свою собственную индивидуальную игру, управляемость игр, осознанность игр. Человек отличается от животного тем, что он: во-первых, не просто существует, а знает об этом и, во-вторых, он может изменять форму своего существования, играя, то есть реализуя те или иные образы, мысли. Как бы парадоксально это ни казалось, но именно такой характер человеческого бытия и породил понятие преступления...

---

¹ Опубликовано в журнале «Рубикон: сборник научных работ молодых ученых»/отв. Ред. А. Л. Бойко – Ростов-на-Дону, РГУ, 1998г- Вып. №3 стр. 29- 32

На ранних стадиях своего развития общество было подобно животному миру – все игры были очень близки к типу животных. Так, все члены родовой общины играли в одну моно-игру, имя которой сегодня – обычай, синкретичность прав и обязанностей свидетельствует, прежде всего, об отсутствии антагонизма между общественным и индивидуальным. Но по мере развития общества, по мере того как изменялась область мысли, изменялось внешнее бытие человека. Различия мышления (то есть различное бытие в возможности каждой отдельно взятой личности) необходимо приводили к дифференциации игр (то есть к различному материальному положению), а в итоге – к классовому неравенству. На определенном этапе возникла необходимость синтеза противоречий, но уже не на основе единомыслия (однотипного бытия в возможности), а на основе единого бытия – так появляется право и государство как сила его обеспечивающая; в этом плане право – это бытие в возможности государства, а государство – это бытие в действительности права. Именно на этом этапе формируется впервые понятие преступления как нарушения правил игры, а значит и самой игры. Слово «игра» здесь употребляется не в «обыденном» его значении, а в форме существования, ибо любая форма бытия, форма жизни есть игра.

Преступление, как и все сущее, существует в двух формах. Но его существование является дважды дуалистическим уже потому, что оно есть порождение конфликта двух форм игр – общества и индивида. Общество – это всегда традиция, это всегда желание сохранить, личность (как самостоятельность в высшем ее проявлении) – это всегда желание играть в свою собственную игру, жить своей жизнью, по – своему оформить этот мир. И когда это желание из возможности реализуясь в действительность, приобретает форму игры, уничтожающей общественные ценности, общество называет это преступлением. Общество создает аппарат борьбы, изучает эти игры, конституируя их в Уголовных кодексах...

...Преступление в возможности существует в двух сферах: субъективной и объективной. Субъективная сфера – это планы, мысли, намерения, мотивы человека совершить то или иное действие. Назовем это субъективное бытие в возможности. Объективно в возможности преступление существует как норма права, предусматривающая преступность того или иного действия, таковы, например, все статьи Особенной части УК РФ 1996 года (точно также, к слову, существует и наказание). Ведь норма права – это лишь возможность того или иного поведения, реализовываться она будет в правоотношении определенными масками, статус которых заранее определен (в уголовно-правовых отношениях это – судья, прокурор, следователь и так далее). Но во всех случаях процесс реализации будет игрой. Так, человек, реализуя свой замысел грабежа, становится игроком игры «Грабеж», где играет роль «Грабитель», тем самым он перестает играть в обычную игру, общественную игру «Добропорядочный гражданин», а, следовательно, перестает существовать как таковой (меняет маску). Новая игра – новые правила, новая форма существования. То, что раньше имело силу в игре «Добропорядочный гражданин» (личная неприкосновенность, свобода передвижения, неприкосновенность жилища и так далее), в рамках игры «Грабеж» не существует. Государство со своей стороны тоже играет, и только если оно играет, мы можем говорить о его существовании. Так, в игре «Грабеж» оно противопоставляет своих игроков – работников правоохранительных органов, которые своими действиями реализуют бытие в возможности государства, то есть правовые нормы. Если этот процесс не есть игра, то следует говорить о коррупции, ненадлежащем исполнении обязанностей, ибо игра всегда честна, самодостаточна, самоценна, порядочна, добровольна...

Если в возможности вещь может иметь противоположные атрибуты, и каждый будет казаться истинным, то в энтелехии противоречия исключают друг друга, снимаются. Поэтому интерпретации может подлежать только игра, но не ее возможность.

Преступление как игра, то есть преступление как энтелехия, как осуществившаяся в определенной форме идея тоже существует в двух сферах: субъективной и объективной. Субъективная заключается в окончательности деяния, человек выполнил все, что задумал, реа-

лизовал свой умысел. Все это субъективная энтелехия преступления, она всегда предшествует объективной (я имею в виду автономные процессы, не рассматривая случаи так называемых эксцессов). Объективная сфера формируется государством в лице компетентных органов, они оформляют данную жизненную ситуацию как преступную (документально констатируют, квалифицируют). И опять же, если их действия не носят характер игры, не являются игрой, следует говорить о том, что те или иные ценности, составляющие общий объект преступного посягательства, не защищены государством, так как государство в этом случае не противопоставляет свою игру, а подыгрывает. Элементом объективизма является оценка человека, его структурирование как преступника – это и делает вся система правоохранительных органов, венцом которой является суд, окончательно определяющий форму бытия человека. Тем самым суд снимает противоречие между личностью и обществом в лице государства, устанавливает социальное равновесие, имя которому – справедливость. Социальное равновесие, кроме судебного решения, имеет и другие формы бытия, формы игры, такие как: «Суд Линча», самоуправство, месть и тому подобное. Но все эти формы попадают в разряд преступлений, так как являются играми, противоречащими общественным ценностям, но не уничтожающими их. Общественные ценности находят свое выражение в нормах права, которые, с точки зрения людологии, являются бытием в возможности той или иной игры. Существует только одна игра, над которой общество не властно – это война, это игра уничтожает не просто ценности, а все остальные игры. Именно поэтому убийство на войне не есть преступление точно также, как и ряд других форм поведения, которые в мирной ситуации являются преступными.

Таким образом, представление о преступлении зависит и всецело определяется теми играми, в которые играют люди. Формально преступление – это просто нарушение правил игры, содержание которых всецело определяется менталитетом социума. История знает немало примеров культа таких ценностей, которые сейчас нам кажутся преступлениями, и наоборот сейчас уже не преступно то, что было преступлением раньше.

На основе вышеизложенного следует сделать попытку и дать следующее определение преступления. Преступление – это игра, которая уничтожает в рамках сферы реализации бытие конституированных обществом ценностей, являющихся продуктом комплекса игр, принятых в этом обществе.

К вопросу об оценке преступления в уголовном праве²

Границы предмета нашего исследования – очерчены вопросом, ответ на который обычно презюмируется уголовно – правовой доктриной и именно поэтому требует некоторого обычно – повседневного анализа, а именно – «Что есть преступление с точки зрения общей теории правоотношения?»

Данный вопрос возник не случайно, ответ на него был дан очень давно в работе профессора А.А.Пионтковского, выражен в достаточно жесткой детерминированной позиции и постулируем общей теорией вплоть до наших дней: «Реализация нормы уголовного права может заключаться только в выявлении предусмотренных нормой актов поведения, устранении их последствий, наказании виновных»³. Как видим, позиция ученого достаточно ясна: преступление понимается не как то, что реализуется на основе нормы уголовного права (тогда пришлось бы признать, это преступление имеет правовую природу), а как то, что необходимо влечет за собою реализацию нормы уголовного права (соответственно область уголовно-правовых отношений перемещается в сферу уголовной ответственности), как *юридический факт*, событие. Общая теория права косвенно подтверждает данную позицию, выделяя свойство *позитивности* в любом правоотношении, заведомо исключая возможность оценки преступления как правоотношения. Теория уголовного права подчеркивает, что уголовная ответственность выражает негативную оценку государством преступления, совершенного виновным лицом. Более того, теоретически уголовный кодекс любого государства выполняет именно *охранительную* функцию в отношении наиболее важных общественных отношений (которые не всегда являются, кстати, правоотношениями, например, убийство посягает на биологический объект – жизнь человека, а не на сумму отношений урегулированных нормами права).

Так, в общих чертах, выглядит современное представление об уголовно-правовых отношениях. Мы отразили здесь лишь общетеоретические моменты, не рассматривая детально позиции множества авторов, которые представляют собой отдельную тему исследований. Интересным является тот факт, что наука в формировании представления о преступлении исходит из цели данного представления – непосредственного правоприменения. Формируется достаточно удобная конструкция – состав преступления, наличие которой позволяет четко классифицировать и квалифицировать акты человеческого поведения как преступления. Более того, состав преступления как общая форма унифицирован относительно конкретного содержания и ограничен тем самым в правоприменении – *nullum crimen sine lege*. При динамизме жизни современного общества это не является приемлемой формой – поэтому практика использует данный «трафарет» в весьма расширительном значении, и это не является чем-то противозаконным – при данной форме это следствие, а не девиация. Если быть внимательным, то легко обнаружить, что научная позиция сегодняшнего дня, несмотря на весь эмпирический «характер помыслов», основывается на истинно умозрительных суждениях относительно действительного явления – поведенческого акта человека. Действительно, представление о преступлении всего лишь образ тех действий, которые расцениваются как *общественно опасные*. Общественные отношения, охраняемые уголовным законом, как правило, принадлежат области идеологии, неважно как она выражена (государственная пропаганда или же декларативные нормы конституции, реализация которых по определению невозможна). Смена идеологии (если угодно правосознания) приводит к декриминализации части деяний, то есть определенные формы активного бытия человека перестают расцениваться государством как пре-

---

² Опубликовано в журнале «Рубикон: сборник научных работ молодых ученых»/отв. Ред. А. Л. Бойко – Ростов-на-Дону, РГУ, 2000г- Вып. №7 стр. 71—73

³ Пионтковский А. А. «Правоотношение в уголовном праве» // Правоведение 1962. №2, с.86—96

ступление. Государство не изменяет данного бытия, не структурирует его, а просто снимает уголовно – правовой запрет, тем самым обеспечивая *свободное* (если следовать принципу «разрешено все что не запрещено») развитие данного «деяния». Ярким примером может послужить декриминализация предпринимательской деятельности в конце 80-х годов в СССР. Соответственно, возникает вопрос – предпринимательская деятельность является общественным отношением? Очевидно, что «да». Тогда с какого момента она есть общественное отношение, с момента ее декриминализации (заметьте, мы пока не говорим о правоотношении) или с момента фактического наличия в среде общества как формы активного бытия, обладающего одними и теми же структурирующими признаками? Если признать первое, то это значит встать на патерналистскую позицию, уходящую корнями в сферу теологических представлений о праве, если признать верным второй вариант, то получается, что уголовный закон в свое время запрещал *общественно опасные общественные отношения*⁴. Ведь нельзя же допустить что общественные отношения перестают быть общественными только потому, что их участников подвергает уголовному преследованию государством, «надстройкой над обществом». Пример с предпринимательской деятельностью является наиболее ярким, но далеко не всеобъемлющим – возможен анализ на основе норм нравственности и морали, целесообразности и прочее.

Второй вариант наука однозначно признает неверным ответом, так как преступление не может носить общественный характер помимо опасного (ведь, в противном случае придется признавать общественно полезный характер преступления или просто нейтральный, не вредоносный)⁵. Первая позиция выводит нас на вечный вопрос Теории права о первичности и вторичности права и правоотношения. Если принять во внимание теории естественного права, которые допускают возможность регулирования общественных отношений вообще вне позитивного права, то вопрос о том, является ли преступление правоотношением покажется не таким уж ясным, как на первый взгляд.

Упростим задачу. Что порождает правоотношение? Достаточно ли описательной нормы, пусть даже подкрепленной санкцией для констатации правоотношения?

Можно ли само преступление назвать правоотношением?..

⁴ В данном случае государство понимается нами как действительно эмпирически проверяемое образование.

⁵ Возможно, совершенно справедливое возражение – положение ч.2 ст.14 УК РФ 1996г. Наши доводы по данному поводу уже изложены с точки зрения лudoлогического метода познания в другой работе (см. Р. П. Чернов «Пропедевтика лudoлогической теории преступности»// ж. Рубикон, РГУ, Ростов-на-Дону, 1999г, №4). Здесь же надо понимать, что движет волей законодателя при такой формулировке статьи. В отношении же формализма, укажем на явное противоречие смыслов закона – ч. 2 ст.14 УК РФ говорит о том, что деяние обладающее определенными признаками «не является преступлением», т.е. определение понятия преступление, признание преступлением того или иного деяния все же носит не формализованный характер, а определяется на основе общей теоретической конструкции, при соблюдении целесообразности правоприменения.

О необходимости универсализации мер по борьбе с отдельными формами организованной преступности⁶

Проблема непосредственной борьбы с организованной преступностью, помимо всего прочего, сводится к проблеме ограниченности мер борьбы уголовно – правовыми рамками. Следует отметить, что данная форма противодействия государства организованной преступности неэффективна. Проиллюстрируем это на примере борьбы с коррупцией как одной из форм организованной преступности.

Коррупция как форма бытия в действительности представляет собой на современном этапе развития именно общественную форму взаимоотношения представителей государства с субъектами реализации тех или иных прав и обязанностей (граждане). Данная форма носит название общественной, по причине распространения среди неперсонифицированного круга лиц, как в рамках субъектов, замещающих должности в тех или иных органах, так и среди населения представлений, составляющих механизм коррупционного взаимодействия. Уголовный кодекс предусматривает персонифицированную индивидуальную ответственность за совершение того или иного деяния (например, получение взятки должностным лицом). Уголовному наказанию подвергается опять же индивидуальный субъект. Таким образом, в части уголовно – правовой борьбы с коррупцией максимум, что возможно, – это устранение субъекта преступления, изъятие его из сферы, где возможна коррупция (лишение свободы, ограничение права на занятие той или иной деятельностью, должности). *При этом сама форма явления (целевая, формальная, материальная причины бытия их содержание, форма) остаются неизменными.* Единственно, что может быть эффективным – это общая превенция, но, если рассчитывать только на нее, то это означает неизменный отказ от свободы слова. Для того, чтобы довести положения возможности уголовного наказания в форме веры потенциального субъекта преступления в его неотвратимость, в случае совершения преступления, необходимо тотальное информационное поле, содержание которого однозначно посвящено мере наказания за совершенное преступление в отношении каждого. Сегодня же, озвученное через средства массовой информации процентное соотношение фактов коррупции и мер борьбы с ними, явно не в пользу последних. При современных формах борьбы изменить это соотношение представляется возможным (на основе общей превенции) не иначе, как запретив освещать коррупцию в сферах власти, что и приведет к ограничению свободы слова.

Необходимо понимать, что коррупция это явление, обретающее самое себя в рамках эмпирического бытия («здесь и сейчас», нарушение закона «в рамках кабинета», отдельной должности) в противовес бытию идеальному (бытие права, бытие, урегулированное на основе вневещественной, внеэмпирической нормы закона). Таким образом, коррупция – это разница *идеально -должного и реально существующего*. При этом реально существующее есть зеркально- негативное отражение идеально -должного (нарушение предписания нормы права, ее искажение по содержанию, кругу субъектов и прочее). Соответственно реально существующее уже в самое себя носит так же общественный характер, как и норма права, которая нарушается в эмпирически заданных рамках (если можно так выразиться, само государство выступает организатором коррупции, через формирование им нарушаемой коррупционером нормы права). Борьба с коррупцией в данном отношении может быть расценена как метод приведения реального (конкретного, эмпирического) к идеальному (положения нормы права). В рам-

---

⁶ «О необходимости универсализации мер по борьбе с отдельными формами организованной преступности»// Проблемы борьбы с криминальным рынком, экономической и организованной преступностью: Материалы конф. – М: Изд. Рос. Криминолог. Ассoc., 2001г.

ках уголовной ответственности это сделать невозможно, уголовное право несет в себе другие задачи.

Государство возлагает данную задачу организации борьбы на некоторые государственные органы (правоохранительные органы, контролирующие органы и прочее), таким образом, пытаясь решить проблему с помощью методов данную проблему удваивающих. Конкретный гражданин, чьи права нарушаются должностным лицом, поставлен в ситуацию соотношения «человек – государство», в которой даже психологически выиграть очень сложно, не говоря уже о практическом отстаивании своих прав (приведение реального и идеального в соответствие друг другу) через органы прокуратуры, суда и прочее. В итоге круг замыкается, проблема коррупции с попытками ее решения только удваивается в своих количественных показателях.

Первичный метод решения проблемы борьбы с коррупцией – универсализация форм борьбы с ней, универсализация форм приведения реального в соответствие с идеальным (норма права). Государство должно помогать институтам гражданского общества. Отдельному гражданину бороться с коррупцией через органы специально для этого созданные так же неэффективно (услуги профессионального юриста слишком дороги, личная заинтересованность в решении насущных нужд всегда сильнее желания социальной справедливости для всех норм правосознания, каким бы развитым последнее не было). Коррупционная форма решения (дача взятки, например) того или иного вопроса для гражданина всегда дешевле, чем подача заявления в суд, жалобы в тот или иной контролирующий, надзирающий орган, а, соответственно, затраты времени, затягивание решения вопроса и так далее. Для того, чтобы изменить данную ситуацию необходимо формирование независимых организаций, объединяющих профессиональных юристов, задачами которых будет непосредственно работа по борьбе с коррупцией в рамках действующего законодательства (универсальный критерий «разрешено все, что не запрещено»). Одновременно необходимо формирование имиджа данных организаций среди населения. Финансирование таких организаций может быть прогрессивно целевым (в зависимости от числа судебных исков, жалоб, внесудебного урегулирования вопроса). Работа с населением – бесплатна для населения, по договору поручения, а главное – строиться на основе принципов персонифицированной формы ответственности и контроля самим гражданином (поручителем) и не определяется мерой добросовестности, например, работника правоохранительного органа.

Таким образом, данная схема позволит государству постепенно заручиться поддержкой у населения, избежать экстренных мер, повысить уровень гражданской ответственности, активировать рабочие места для юристов, а главное сделать борьбу с коррупцией не социальным трансфертом, а выгодным делом для широкого круга профессионалов при двойном непосредственном контроле со стороны субъектов финансирования: государства и самого гражданина (налогоплательщика).

В своей перспективе внедрение данной формы борьбы с коррупцией, как с одним из видов организованной преступности, станет не только выгодной отраслью развития рынка юридических услуг, но так же и универсальной в силу проведения в жизнь положений законов, которые сегодня реализуются в единичном порядке (например, право на обжалование в суд незаконных действия и решений, нарушающих права и свободы граждан). Более того, данный проект является реальным основанием (при своем воплощении и детализации) для международного сотрудничества, в том числе и в области финансирования деятельности данных организаций.

Методологические основы формирования универсального понятия преступления⁷

В условиях современного дня, в условиях глобализация масштабов того, что мы еще до сих пор называем преступностью, остро чувствуется вопрос наделения правоприменителя эффективным инструментом познания того, что есть преступление. Сегодня данный процесс носит весьма технический, метафизический характер. Уголовный кодекс как монополист понятия преступления персонифицирует сознание правоприменителя, предписывая ему качественность суждения в отношении явления. И, если само явление соответствует перечню признаков, можно говорить о структурировании представления о преступлении. Данное представление имеет определяющий формально – юридический характер и является одним из оснований наложения уголовной ответственности (внутреннее убеждение). Представляется, что данный метод познания того, что есть преступление в рамках процесса квалификации является неэффективным в отношении задач борьбы с преступностью.

Преступление, прежде всего, объективная форма бытия в действительности, которая связана в части своего актуально сущего бытия рамками сознания лица (преступника). Оно независимо и является одинаково, как стереотипом поведения, так и формой структурирования социальной материи, которая по своим качественным характеристикам выходит за пределы познания доступных современной методологии. Примером может послужить такое явление как Организованная преступность и отдельные преступления, которые пытаются квалифицировать соответствующим образом. В части же методологии нам дан именно Уголовный закон, который и является методологией познания преступления, посредством своей актуализации в рамках сознания правоприменителя.

Таким образом, в принципе, вопрос в отношении познания того, что есть преступление, в отношении того, как познавать преступление, может быть выражен противостоянием содержания и формы. Формой в данном случае выступает свойство уголовного права – *nullum crimen sine lege*; содержанием же то, что существует в действительности вне зависимости от предусмотренности Уголовным кодексом как преступления, и что в дальнейшем может обнаружить себя как объект криминализации. История демонстрирует в достаточной степени объективные примеры именно такой схемы формообразования преступления в представлении законодателя.

Таким образом, с одной стороны, можно сказать, что *Уголовный закон всегда опаздывает в отношении своевременной криминализации*, или декриминализации деяний, с другой стороны, что данные процессы носят естественный, исторически обусловленный характер, и находятся вне сферы влияния воли человека (законы развития общественного бытия). Представляется, что данная позиция не совсем верна. Уголовный кодекс всегда ретроспективен, он отражает не только те представления, которые на данном этапе развития составляют содержание понятия о преступлении, но и являются частью того, что есть в действительности преступление уже по самой форме своего бытия в действительности. Соответственно, в самой действительности системообразуются и структурируются формы, которые, являясь преступлениями и в дальнейшем признаваемые таковыми в рамках ограниченного периода времени не являются объектом уголовного преследования (ситуация В. И. Ленина, например, революционная деятельность, изменение мира – тогда не составляло предмет уголовного преследования). Соответственно, с течением времени и попустительством в данном вопросе, вполне

---

⁷ «Методологические основы формирования универсального понятия преступления»// Проблемы борьбы с криминальным рынком, экономической и организованной преступностью: Материалы конф. – М: Изд. Рос. Криминолог. Ассос., 2001г.

реальна ситуация социального взрыва и уничтожения той или иной формы организации социальной материи.

Бездействие в данном вопросе законодателя, нежелание признать понятие преступления универсальным объектом познания (хотя формально – юридически уголовный кодекс, например, универсален в понимании преступления) замещается такой формой реагирования на преступления как коррупция правоохранительных органов. При этом здесь коррупцию следует признать в общем положительным явлением, так как она организует и структурирует те процессы, которые остаются за гранью правового понимания. Закон носит субъективный, частный характер, при попытке опосредовать универсальное явление, недостаток универсальности формально – юридического познания компенсируется универсальностью актуально сущих «человеческих» взаимоотношений – коррупцией (следует отметить, что человек как субъект познания есть универсум, противостоящий универсуму чувственных и внечувственных явлений).

Какой выход видится на сегодняшний день? Это, прежде всего, формирование универсального понятия преступления, бытие которого позволило бы эффективно, а главное адекватно реагировать на запросы действительного.

Каким образом это возможно? Вопрос чрезвычайно важный и во многом философский, так как именно определение как форма познания является самым неэффективным орудием корреспондирования значения во временном поле изменения. Соответственно, выход который может быть предложен в данном весьма сложном вопросе (уголовное право работает непосредственно с человеком, истолковывая и называя человеческие деяния преступлением) – это формирование единой унифицированной универсальной методологии в отношении познания преступления и придания формам и методам познания формально – юридического характера, закрепление их на законодательном уровне. Такая система и сейчас существует в рамках наследственных обрядовых игровых ритуалов правосудия (процессуальная форма), раньше же эти ритуалы были всецело погружены в сферу религиозного (ордалии).

В таком случае правоприменитель может себе позволить свободу мышления в установленных законом рамках, при том, что данные формы являются едиными в отношении методологии познания, но не в отношении конечности результативности познания (как, например, сегодня квалификация). Соответственно, отпадает необходимость притягивания нормы права на множественность качественности явлений действительности.

Вопрос данного плана весьма успешно может быть решен в рамках людологической школы познания, которая и является самостоятельной универсальной пропедевтикой когнитивных систем. Благодаря формальному выражению значений (математика мысли) именно людологический подход позволяет быстро и эффективно решить вопрос универсального познания преступления в части правоприменительной деятельности.

Преступление как целостная парадигма бытия⁸

Вопрос о понятии преступления является одним из вечных вопросов теории уголовного права. В данной работе представлена попытка осуществить анализ преступления на основе методологии, разработанной в свое время Аристотелем, а именно – анализ по четырем причинам сущности явления. Как известно, Аристотелем были выделены 4-е причины: целевая, формальная, движущая, материальная. Современный анализ (на основе лудологии) позволяет говорить о функциональном наличии трех из них – целевая причина является прототипом материальной, при том, что последняя всегда шире по объему перцепции целевой, так как она составляет бытие в возможности чувственно- воспринимаемого предмета (материальной причины). Удобство данной методологии в ее универсализме относительно неограниченного круга явлений.

Применительно к преступлению следует отметить, что целевой причиной является: первичное сознание преступника, а также нормы уголовного права, предусматривающие состав конкретного преступления. Сознание является субъективным бытием в возможности, в то время как статьи особенной части Уголовного кодекса ориентированы на объективность.

Движущая причина всецело перенесена в сферу субъективного и составляет основание для бытия уголовной ответственности. Именно реализация умысла или реализация необходимо присущего содержания целевой причины (преступная неосторожность, небрежность), свидетельствует о возможности наложения наказания на субъекта деяния, который является всецело движущей причиной для субъекта объективной оценки (государство в лице правоохранительных органов). Это единственная форма структурирования материи в соответствии с представлениями о преступлении, которые составляют сегодняшнюю форму оценки данного явления (позитивное право). Движущая причина порождает появление материальной, которая в соответствии с целевой, но при отсутствии уже целевой (идея как «эйдос Платона», вне сферы своей реализации) составляет формальную причину. Только с появлением формальной причины можно говорить о законченности деяния со стороны субъекта деяния (преступника), но при этом само государство (субъект конечного структурирования понятия о преступлении), может ограничиваться своим пониманием формальности (формальные составы преступления, усеченные составы, где уголовная ответственность наступает вне зависимости от наступления вредоносных последствий). Данное обстоятельство позволяет говорить о том, что государство склонно оценивать поведение индивидуума с точки зрения элемента публичности в его действиях. Оно заинтересовано в том, чтобы предотвратить формирование положительного образа структурирования социальной материи именно на основе данной движущей причины, таким образом, общая превенция усматривается уже на данном этапе.

Замкнутость парадигмы бытия (единение возможного и действительного) достигается по мнению некоторых авторов как форма синкретичного взаимодействия субъективного и объективного (Гегель), однако, данное положение в современных условиях не соответствует действительности.

Действительно, в то время, когда мораль несла содержательную нагрузку целевых причин структурирования явлений вне зависимости от их субъекта можно было говорить, что индивидуум, пренебрегающий формой персонификации в должных отношениях (норма), отрицал императивные законы общества, тем самым подменяя их в рамках чувственной перцепции («здесь и сейчас») собственно – личным бытием в возможности, которое в дальнейшем вос-

---

⁸ «Преступление как целостная парадигма бытия»// Труды Международного форума по проблемам науки, техники и образования: М.: Изд-во АНЗ, 2001

приятию квалифицировалось, как девиация и соответственно каралось (исправлялось в тех же рамках «здесь и сейчас» – лишение свободы и прочее).

Сегодня потоки обмена информацией (то, что называется информацией) таковы, что нельзя говорить о том, что чувственно – воспринимаемые предметы являются формой фиксации (материальными носителями) бытия в возможности, которое увязано с их предназначением по целевой и другим причинам. Сегодняшний день демонстрирует нам разобщенность форм бытия разных явлений, при этом глубина отчуждения продиктована изолированностью сфер бытия значения.

Таким образом, субъективная целевая причина субъекта преступления и субъекта оценки -государства, в лице правоприменителя, – коренным образом не совпадают, поскольку сама разобщенность государства (как бытия в действительности права, при том, что право – бытие в возможности государства) и бытия субъекта преступления разведены изначально, – человек живет в кругу сплошного лавирования между законностью и ее формой дублирования. Там, где правовые нормативы, выражены более четко, создана вторая действительность, структурируемая в соответствии с ее законами – организованная преступность, фактически новая общественно – экономическая формация.

В конечном счете, можно говорить о том, государство не вправе накладывать ответственность за совершение преступления, так как оно уже не может гарантировать, что само преступление является нарушением формы гармоничности общественных отношений. Наоборот то, что считается преступлением в некоторых случаях может быть отнесено на счет формирования новой гармонии общества (например, декриминализации предпринимательской деятельности в Новой России в начале 90-х годов XX века).

К тому же государство является заложником тех установок, которые составляют идеологическое содержание политики. Если политикой государства является правовое содержание позитивного права, то это еще допустимая форма стабилизации, если же мы говорим о политике как о динамической форме оценки явлений текущей действительности, то неизбежно увеличение зазора между должным и действительным, где уголовная ответственность лица служит формой прикрытия данного «зазора». Именно так устранялись ошибки логики «военного коммунизма» – посредством устранения носителей здравого смысла (тогда уже старого).

Более того, если до возложения уголовной ответственности содержание целевой причины преступника «по случаю» было легко исправляемой девиацией, то после актуализации на нем внимания государства, прохождения пенитенциарной системы, оно становится формой восприятия мира (маска «осужденный», двойная жизнь осужденных в исправительных учреждениях и прочее). Таким образом, происходит переход из разряда случайного в сферу профессионального (при пассивном реагировании), а в некоторых случаях и организованного. Таким образом, система воспроизводит, сама того не желая, врагов общества.

В макроракурсе такая ситуация грозит не только чудовищными социальными катаклизмами, но и простой переоценкой ценностей в форме их замены в ходе смены содержания позитивного права (упрощение права, жизнь «по понятиям»).

Следует совершенно по – новому отнестись к проблеме формирования понятия преступления. Но это нельзя сделать на основе старых представлений о преступлении. Скрещивание наук так же не дает положительного результата, кроме как формирования гибридов познания, отражающихся на практике недееспособностью теории. Методология познания должна быть универсальной. При этом анализ, изложенный выше, – лишь часть абстрактной формы алгоритма познания, который необходимо пройти на пути формирования понятия преступления, способного стабилизировать отношения уголовной ответственности не в рамках смежных 20—30 лет, когда Уголовный кодекс по своей сущности ретроспективно устремлен в будущее (законодателю кажется, что нормы Уголовного закона отражают действительность дня сегодняшнего и завтрашнего), а на основе гибкой, четкой системы познания, приемы кото-

рой ясны и отчетливы таким образом, что у любого субъекта познания не возникает противоречий относительно ее содержания. Это первичный залог согласованности устранения противоречия субъективной целевой причины и объективных представлений о ее содержании. Именно тогда можно будет говорить о том, что мы знаем, что такое преступление, а не навязываем его представление неограниченному кругу лиц посредством государственного аппарата принуждения.

Преступление необходимо изучать как целостную замкнутую парадигму бытия в ее связи с другими парадигмами, как данность, а не как объект уничтожения.

Проблемы понятия «преступление»

Предисловие

Необходимость обратиться к проблематике определения преступления вызвана не только гносеологическими интересами юриспруденции, но задана нам самой действительностью. Положение, при котором легальное определение преступления и представления о преступлении «простого человека», являющегося формой персонификации общественного мнения рознятся с точностью до диаметральной противоположности, нельзя признать удовлетворительным. Однако именно сегодня автономизация уголовно-правовой науки достигла такой степени, что для не посвященных юридическое понятие преступления остается лишь областью догадок и упорного не понимания, которое трансформируется в враждебное отношение вообще к спектру дисциплин уголовно-правового цикла. Склонность видеть причину данного положения в непросвещенности населения, отсутствии должного уровня правосознания и прочих факторах, является явно недостаточным условием для полного бездействия «переднего края» науки в методологическом отношении определения преступления.

Данная работа посвящена анализу проблем, которые возникают при определении преступления как в пределах сферы значения юридической методологии, так и за ее границами.

Следует отметить, что сама работа носит ознакомительный характер и является своего рода лишь геометром в определении того поля проблемы, на котором только предстоит сразиться в будущем. Мы не претендуем ни на исчерпанность в описании самой проблематики, ни на приемлемость способов ее решения, которые кратко изложим в заключение работы. Нашей целью является приглашение к дискуссии.

1. Введение

Очевидно, что целевое назначение юриспруденции сегодня переросло рамки технического обоснования действия власти, государства. Юридические науки все больше присваивают себе функции, которые ранее принадлежали лишь таким формам как церковь, философия. Сегодня юриспруденция объединяет не только сферу ученых, приобщающих к науке в стенах *alma mater* десятки тысяч студентов, но и огромное количество юристов-практиков. Данное количество носителей юридического знания образует актив Науки как общественной формы воспроизводства знания. Помимо этого в орбиту включены так же правоприменители самого различного уровня, которые косвенно связаны с положениями постулируемыми юриспруденцией. Влияние же юриспруденции на политические процессы и тем более на законодательство уже становится универсальным и поэтому существует основание говорить о том, что сегодня юридическая наука выполняет функцию формирования представления о целесообразности деятельности масс в тех или иных формах, очерченных в рамках правового поля.

В данных условиях совершенно противоестественна пассивность в отношении понятия преступления. Уголовное право прячется за маской «законодателя» и намеренно не желает видеть проблему в объеме большем, чем формальность закона. Возможно, это следовало бы признать верным, если бы мы не имели в распоряжении фактов, свидетельствующих о том, что та часть носителей юридического знания, которую образуют правоприменители, как раз делают совершенно обратное. «Коррупция», «организованная преступность», «правовой произвол» и прочие «ужасные явления действительности» – по сути, свидетельствуют лишь об одном – правоприменители, правоиспользователи не следуют образу, представлению, обозначенному в норме права. Размеры нарушения законодательства позволяют говорить о том, что это не про-

сто конкретно случайные проявления, тонущие в статической массе показателей, а формы социального бытия которые приобретают (приобрели) общественный характер, характер того, что мы называем общественное отношение. Причины этого видятся наукой во всем чем угодно, кроме одного – *наших представлений* о преступлении как форме негативного положения вещей и форме должного бытия (объекты, охраняемые уголовным законом). Считается, что действительность не соответствует должному идеальному (правовой норме), но с точки зрения независимости познания это тупиковый вариант решения проблем. Прежде всего наука должна задать себе вопрос, что не соответствует в ее результатах (содержании) действительности? С чем это связано и, если это проблема методологическая, то необходимо сменить либо методологию, либо предмет, который данная методология в состоянии обнаруживать, трансформируя свое применение в содержание научного знания.

Итак, нам предстоит ответить на четыре вопроса относительно:

- предмета;
- метода;
- содержания («выводов»);
- общей целесообразности в соотношении с практической верификацией третьего элемента (содержания).

Будет методологически правильным свести эти пункты к одной предметности – полагаемому содержанию понятия преступления (универсальное исследование невозможно произвести в рамках одной статьи).

2.О предмете

Прежде всего необходимо понимать, что «преступление» есть следствие оценки факта действительности как преступления. Преступление с этой точки зрения, является следствием квинтэссенции представлений о позитивном и негативном. Преступление не существует вне уголовного закона, ибо именно уголовный закон может определять *что* есть преступление, а *что* им не является. Это прекрасно. Но не следует забывать, что преступление (то, что мы называем преступлением) носит именно общественную природу, которая характеризуется как стабильная форма существования определенного массива субъектов социума. В этом массиве наличествует идеологическая база, форма воспроизводства духовных ценностей, система поощрений, программные системы целей и прочее. Формой существования этого массива является то, что мы называем преступлением. Преступление это отнюдь не случайность, а заданная форма, которая получает название преступления в зависимости от постулируемого обществом в лице государства ряда причин (идеологическая, нравственная, целесообразность и прочее). Поэтому не учитывать представления о преступлении ряда субъектов, которые являются непосредственными участниками преступной деятельности просто не допустимо. Амплитуда колебаний представлений о преступлении обнаруживает себя среди:

- Государства (Уголовный кодекс);
- Общества, неперсонифицированного круга лиц (мораль, нравственность, системы объективированного знания – философия, церковь, система высшего и среднего образования, средства массовой информации, – исключая замещение представления сферой принадлежности к событиям в рамках «здесь и сейчас»);
- Субъектов, связанных непосредственно борьбой с преступностью, формами реагирования (работниками правоохранительных органов, судьи и прочее);
- Социума, обнаруживающего свою принадлежность к преступлению в качестве участника (ОПС, коррупционеры и прочее);
- Индивидуального субъекта (преступника);

- Жертвы преступления (потерпевший);
- Круга лиц, вовлеченных в событие в рамках определенного времени и пространства (свидетели, технические работники правоохранительной сферы, адвокаты и прочее).

Качественные оценки весьма различны в зависимости от субъекта представления о преступлении. Очевидно, что группы под №1 – 4 являются коллективными носителями в то время, как группы, представленные под номером №5 – 7 всегда персонифицированы, как по своим действиям, так и по своим представлениям. Однако это не означает, что последние в своих представлениях независимы от первых 4-х групп. Представления коллективного характера детерминируют сферу возможных представлений частного порядка (общее всегда шире частного, если оно определено относительно своего предмета и содержания, форма сочетания элементов общего в частном формообразует индивидуальность). Но здесь есть одна особенность – представления преступной среды:

- а) сжаты и компакты, заземлены на тезаурус практических действий гарантирующих результативность в случае должной реализации;
- б) идеологически обоснованы и поддерживаемы системой, эксплуатирующей самые близкие инстинкты – установки (культ силы, власти, первенства, лидерства, наживы и прочее);
- в) сфера корреспондирования представлений и способы весьма практичны и удобны, главное замкнуты и не подвергаются девиации в процессе перехода от одного субъекта к другому;
- г) поддерживаемы жесткой системой учения противоречий действительности в случае отступления от принятой идеологии.

Все это позволяет обеспечивать динамику развития преступности и оперативность реагирования на запросы действительности. Представления же о преступлении, названные под группами №1, 2, 3, 7:

1. Громоздки по своему содержанию, противоречивы, как в объективном смысле (диалектическая подоплека, помноженная на время), так и в субъективном (так, например, для того, чтобы стать юристом необходимо закончить университет), лишены непосредственно практической отдачи, здесь проблематика вопроса огромна, начиная от несовершенства уголовного процесса и заканчивая вопросами заработной платы государственных служащих.

2. Подвергаемы постоянной коррозии со стороны ситуаций «здесь и сейчас» (достаточно прослушать новости по ТВ, чтобы усомниться в том, что борьба с преступностью увенчается когда-либо успехом).

3. Качественно негативно трансформируются в силу недостаточной эффективности способов корреспондирования и соотношения с практикой.

4. Испытывают массу других негативных факторов, несколько не улучшающих положение дел.

Несомненным достоинством, конечно, является их единство в рамках территории государства и унифицированность доступа (публичность), но в общем следует констатировать, что один только аппарат определения преступления настолько громоздок, что его эффективное использование (даже если бы он был лишен своих противоречий) весьма затруднительно. У науки это порождает желание прятаться за маску «законодателя» и исследовать лишь то, что есть закон, у правоприменителя – решать задачи уголовного права исключительно средствами, обеспечивающими максимальную эффективность частного порядка (причем во многом эти средства не отличаются от методов преступления). В итоге сегодня мы имеем ситуацию бытия нового социального феномена – организованной преступности, борьба с которым очевидно неэффективна средствами и методами, порожденными современным пониманием преступления.

2.1. «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания» (ч.1 ст.14 УК РФ 1996г.).

2.1.1. Виновность

Необходимо понимать, что для преступника многие вопросы и вовсе не стоят в сфере сознания общественной опасности, предвидения возможности наступления общественно опасных последствий и прочее. Это оценочные категории, которые абсолютно чужды духу целесообразности, которое несет в себе действие, называемое преступлением. Если раньше мы могли всегда оглянуться на моральные устои и сказать, что преступник нарушал в самом себе норму нравственного императива, то сегодня в век информационных технологий, в век становления новой общественно-экономической формации мораль просто не успевает за технологическим прогрессом, а тем более за морализированным отношением к его результатам. Если прибавить к этому действительный правовой нигилизм и элементарную неосведомленность населения о степени общественной опасности каждодневно совершаемых «деяний», принцип виновности в своем реальном существовании трансформируется не в знание лица, совершившего деяние о его общественной опасности, а в знание лица, привлекающего к уголовной ответственности за общественно опасное деяние лицо его совершившего, при полной несведущности последнего. Эта ситуация малозначительна в рамках нашего столетия, нашего поколения, но она чудовищна в перспективе своего развития. Это означает, что мы находимся на пути к объективному вменению, мы приписываем знания и способность знания субъекту ответственности, который по своему развитию не может иметь даже представления об этих понятиях, то есть налицо именно патерналистское отношение государства к личности.

2.1.2. Общественная опасность⁹

Общественная опасность как качественный признак характеризует степень вреда, нанесенного объекту преступного посягательства. Сам объект формируем как общественное отношение, урегулированное нормой права. Здесь уголовное право сталкивается с проблемой общего и субстанционального, которую не совсем верно решает. Преступление всегда единично и привязано к индивидууму, оно сфера выражения его внутреннего мира.¹⁰ С точки зрения же уголовного права преступление есть общая форма акта человеческого поведения, которая несет в себе разрушающую способность по отношению к позитивному, обнаруживающему себя в рамках правоотношений. Государство выражает однозначное принятие или не принятие тех или иных форм общественных отношений, наделяя их содержание рамками уголовно – правовой охраны, или наоборот объявляя уголовное преследование.¹¹ Фактически государство берет на себя функции по формообразованию социально приемлемых форм бытия общества. Для юриспруденции стран Запада это положение может показаться абсурдным, но применительно к Российской Федерации, на ее сегодняшнем этапе развития, это фактическое положение дел. Достаточно привести примеры декриминализации предпринимательской деятельно-

---

⁹ Мы не выделяем признак завершенности (хотя с лудологической точки зрения он имеет определяющее значение), будем пока следовать общедоктринальным позициям, тем более что они имеют основанием Уголовный закон.

¹⁰ Одно это положение, конечно, может быть спорным, но мы здесь заимствуем не только содержание науки психологии, но непосредственно достижения лудологического метода познания.

¹¹ Фактически необходимо говорить о предмете уголовного права не в рамках самого уголовного права и его части в той степени, в которой она относится к функционированию уголовного права (например, положения Общей части УК РФ 1996г), но так же и тех общественных отношениях, которые не находятся в сфере уголовно-правового запрета. То, что уголовное право запрещает первоначально именно общественное отношение вопрос дискуссионный, но он несомненно имеет право быть не обойденным вниманием с точки зрения дифференциации анализа во времени.

сти, отмены уголовного преследования гомосексуализма и прочие общественные факты. Перед нами ситуация в которой государство фактически определяет что есть преступление, а что нет. И при этом оно не имеет достаточно четкого критерия отнесения какой либо формы деятельности к преступлению помимо Уголовного закона, который выражает интересы непосредственно самого же государства, формируем им. Получается, что государство определяет единичное деяние человека на основе внеличного содержания представлений о нем, более того критерием определения служат представления о причинно – следственной связи, которые ориентированы именно на отношения общественного характера, и складываются в система регулирования правом общественных отношений.¹² Вред общественным отношениям (общественная опасность) определяем только на основе представлений о развитии этих самых отношений, исходя из непосредственной связи причины и следствия, при том, что они формулируются нормами материального права, которые носят регулятивный характер. Соответственно, в обстановке стихийного формирования общественных отношений, когда норма права фактически находится в состоянии явно не первичного регулятора (поскольку она не в состоянии еще предугадать возможных последствий неизвестности), а именно в такой обстановке сейчас находится общество в нашей стране, невозможно говорить о возможном точном знании государства о степени дезорганизации, наносимой преступлением складывающимся общественным отношениям. Тем более, недопустимо требовать этого от субъекта деяния. Причем эта тенденция не заметна в рамках частных случаев (конкретное уголовное преследование за конкретное преступление), но очевидна в макро-ракурсе. В этом недостаток решения проблемы субстанционального и общего (на основе тех представлений которые являются доминирующими сегодня). Мера осознания вины индивидуумом и мера вины, приписываемая ему государством не совпадают. Тем более не совпадает степень наказания. В итоге мы имеем не общество, благодарное за хорошую работу по преследованию преступников, а озлобленность и полнейшее непонимание. Если прибавить к этому то, что сегодня на тысячу человек у нас один осужденный нашей системой, то ситуация может оказаться вообще катастрофической. Еще раз подчеркнем, что с точки зрения сегодняшней методологии определения преступления данная ситуация несправедлива.

Проблема определения общественной опасности обнаруживает свои противоречия не только в плоскости причинно-следственной связи¹³. Существует целый конгломерат проблем, разрешение которых необходимо, но в условиях данной методологии невозможно: понятие общественного применительно к личностно индивидуальному; понятие полезного в активно структурируемых общественных отношениях¹⁴; свобода и свободная деятельность применительно к сфере уголовно-правового запрета и прочее, и прочее.

Остановим наше внимание на наиболее существенных моментах:

– Развитие общественных отношений непосредственно связано с индивидуальными поведенческими актами, которые, как правило, совершаются на «переднем крае» той или иной области деятельности. Они носят новаторский, творческий характер и по своей природе выходят за пределы понимания с точки зрения предшествующих им представлений. Но без этих индивидуальных действий невозможно поступательное движение, развитие (неважно как мы его оцениваем, все равно всему современному свойственно в заданный ему отрезок времени самосознания, присваивать себе прогрессивный улучшенный характер). Примером могут послужить жизнь Сократа, Галилея, Аристотеля, Ленина... зачем говорить о персоналиях?

¹² В то время как задачами уголовного права является именно изживание данного деяния (конкретная форма проявления общественного отношения в раках времени и пространства) из круга общественного.

¹³ Которая сама по себе может быть раздута до полнейшей абсурдности софистическими методами (что стоит только пример с пешеходом, переходящим улицу на красный свет?), плюс вопросы определения случайности вообще?

¹⁴ Чтобы усомниться в своих истинных знаниях относительно данного вопроса достаточно прочесть «Закат Европы» О. Шпенглера.

Вспомним тысячи репрессированных у нас в стране. И это только *известные* факты, существует массовость неизвестности, которая была клиширована как негативное, неправильное, преступное.

Такая ситуация наблюдается в любой области общественной деятельности. *Любая девиация, которая носит внеизвестный характер, оценивается с позиции известности старых девиаций.* И удельный вес уголовно – правовой оценки в массе общей тенденции весьма значителен. Мы не можем с достаточной достоверностью сегодня говорить об общественной полезности в рамках временного континуума, не противопоставляя представлению о полезности представление об опасности. Если же мы стоим на позиции восточного сохранения достигнутого уровня развития и видим цель уголовного права непосредственно в сохранении безопасности общественных отношений в том виде, в каком они функционируют в известном отрезке времени, то мы необходимо признаем отсутствие возможности прогресса общественных отношений в направлении качественного изменения. У России уже есть такой печальный опыт – СССР.

Необходимо понимать, что многое из того, что мы признаем преступлением сегодня, через некоторое количество времени перестанет быть таковым и наоборот. Это вполне закономерные процессы, которые можно было бы назвать законами общественного развития, если бы наука знала почему, как и когда это происходит. Еще лучше, чтобы это знала именно наука, изучающая уголовное право, а не смежные научные отрасли, обменивающиеся достижениями своей методологии на симпозиумах и междисциплинарных научных конференциях. Лучше не потому, что это вопрос престижа, а потому что уголовное право непосредственным образом влияет на жизнь человека в отдельности и общества в целом, хуже всего то, что это «непосредственное» влияние опосредуется практикой, которая оглядывается на науку так же, как наука на практику (возьмите хотя бы удельный вес в понимании наукой тех или иных вопросов, вносимый разъяснениями Постановлений Пленума ВС РФ).

– Именно XX век впервые остро сформулировал проблему соотношения индивидуального и общего. Ранее наивно полагалось, что субъект суждения однозначно окрашивает его как свою личную позицию, соответственно, те, кто соединяет в себе интересы множества лиц, озвучивают интересы публичного характера. Тот, кто первый подверг это сомнению, был причиной ужаснейшей революции.¹⁵ В начале нашего века научная мысль пошла еще дальше, она попыталась доказать, что связь общего и частного не только не ясна в границах суждения, но так же не представляет собою очевидности в сфере действительного, действия. В качестве примера можно привести учение К. Юнга об архетипе. При всей запутанности и неясности этого термина, при всей иррациональности доказательственной базы, мы можем с уверенностью полагать, что К. Юнг доказал, что личность в своих действиях является заложником своей психики, она не вольна над нею, более того – не способна даже понимать проявления психеи. Убедительность этого тезиса доказывает огромная экспериментальная база, а так же аналогичные результаты исследований смежных школ психоанализа.

Вывод, который очевиден и потому необходим: *соотношение общего и частного невозможно определить на основе одной лишь констатации принадлежности суждения, действия его субъекту.*

Воля не является тем что обеспечивает независимость, наоборот – воля это то, что зависит от образа мысли, хода мысли, которым наделен субъект.

Можно с уверенностью сказать, что множество деяний, которые мы признаем преступлениями и приписываем им форму противопоставления личности себя государству, обществу, на самом деле являются выражением того в личности, что привнесено в нее обществом,

---

¹⁵ Мы имеем в виду Жан Жака Руссо. Подробнее о его вкладе в данный вопрос см. «Об общественном договоре», изд. Канон-пресс-Ц, М. 1998г. Стр. 206—207.

государством. Это не означает, что мы ратуем за детерминизм в подходе к пониманию преступления, мы всего лишь говорим о том, что уголовное право абсолютно не учитывает причинно-следственную связь данного плана, позволяя себе быть уверенным, что оно исчерпывающим образом знает, что отнести непосредственно к личному, индивидуальному моменту, а что таковым не считать.

Необходимо четко понимать, что есть человек в своем индивидуальном и каков он в системе общественного, каково соотношение «общее-индивидуальное» в парадигме «общество-индивидуум». Иначе мы будем и дальше осуждать за то, что личность даже не осознает как преступление, за то в чем она даже не видит участия собственной воли, – даже если это делается для общей превенции, мы не должны забывать, что при этом косвенно формируем «врагов государства», осужденных. Диалектические процессы перехода количества в качество уже сейчас дают нам знать о себе в форме таких общественных явлений как оргпреступность, «жизнь по понятиям» и прочее. Что будет завтра?.. Захват оргпреступностью Верховной власти?

2.1.3. Противоправность (противозаконность)

Принцип *nullum crimen, sine lege* является основополагающим для уголовного права. Его формулировка была создана в то время, когда динамизм развития общественных отношений был адекватен возможности оперативного реагирования уголовного права на общественную опасность, ее усиление или понижение в той или иной группе общественных отношений. Сам принцип формулируется как некоторая гарантия прав человека от своеволия власти, более того он является составляющим современного «универсального» понимания гражданской свободы – «разрешено все, что не запрещено». Возведенный в силу закона, получив нормативное закрепление, следовательно, и непосредственную юридическую степень воздействия, он выполняет несколько функций, исследуем их.

1. Практическая (самая может быть ценная). И правоприменитель, и правопользователь могут с легкостью спрогнозировать развитие событий реальной жизни на основе данного положения. Личность не несет никакой уголовной ответственности, если совершенное ею деяние не содержит в себе признаки какого-либо состава преступления, предусмотренного Особенной частью УК. Таким образом, каждый человек может при умении читать (или наличии денежных средств достаточных для оплаты юридической консультации) сделать правильный выбор в отношении той или иной формы поведения, при наличии сомнения, конечно. Правоприменитель точно так же знает, что именно является условием для реализации его правообязанности, соответствующих действий, – только обстановка (факт), в которой совершено (или есть достаточные основания полагать, что совершено) деяние, содержащее в себе признаки состава преступления, предусмотренного Особенной частью УК.

Теоретически это вернейшая формула, но на практике она почему-то уродливо трансформируется в фальсификацию доказательств; растягивание признаков действия лиц, подгоню их под требующиеся; формулирование «резиновых» составов преступления. Если прибавить к этому сложность дифференциации уголовного процесса, множественность совершенно практических неувязок в работе правоохранительных органов, то сам по себе принцип становится лишь нормой, к которой желательно стремиться. Из всеобъемлющего принципа законности, он превращается во всеобъемлющее истолкование реальности в соответствии с тем, что признается преступлением. Правоприменитель, получая информацию, сталкиваясь с действительностью непосредственно, каждый раз оценивает являются ли факты воспринимаемые им признаками состава преступления, состава преступления или нет. При этом преступление выступает не как явление общественной жизни независимое от субъективных оценок, а как следствие вывода субъекта правоприменения о наличии признаков преступления в том или ином деянии. *Таким образом, бытие преступления зависит от субъективной оценки внутрен-*

него убеждения, лица, наделенного государственными полномочиями.¹⁶ В то время как бытие преступника, бытие в качестве преступника, зависит от конечного звена правоохранительной системы (суда), такова презумпция невиновности. Если следовать букве закона, то получается ситуация, при которой у нас есть преступление, но нет преступника, есть только лицо, обвиняемое (подозреваемое, задержанное) в совершении преступления. Таким образом, преступление признается тем, что приписывается, вменяется субъекту. Вменяется же то, что исключительно существует как «точное указание в законе», того, что преступление. И если личность как часть «суверенного организма» в свое время согласилась с содержанием этого закона, делегировав в законодательный орган своего представителя, то она должна подчиниться пониманию ее действий как преступления. Проблема заключается в том, что:

а) личность может быть не согласна с таким пониманием;

б) субъект понимания, структурирования, преступления не просто констатирует факт наличия преступления, а создает его на основе понимания (знания) закона, а это понимание может быть не только не адекватным, но и просто неверным. Если это проблема частного круга то, она называется следственной, судебной ошибкой, если же это проблема макро-уровня, то она вообще не осознается, но хорошо чувствуется по таким явлениям как коррупция, ненадлежащее исполнение обязанностей, «диктатура закона», рост укрывательства преступлений, массовое осуждение невиновных, революция...

В конечном счете, каждый следователь при решении возбуждения уголовного дела (возможности прекращения уголовного дела) думает не о том преступление или не преступление перед ним, нет вопрос ставится о возможности доказать вину конкретного лица и потому, как это ни странно, функция нашего принципа трансформируется в противостояние презумпции невиновности, и прочих обстоятельств жизни, принципу законности, в форме субъективного суждения о противозаконности.

2. С точки зрения гносеологической, в противовес пункту №1 наших рассуждений, где мы попытались осветить практическое значение признака противоправности, через его рабочее состояние в форме принципа, в этой части мы проанализируем саму логику построения понятия преступления с точки зрения его как явления запрещенного Уголовным кодексом. Прежде всего латинское формулирование более удачно (*nullum crimen, sine lege* – «нет преступления без точного указания о том в законе»), уголовное право ничего не *запрещает*, это иллюзия современного законодателя. Наши предки понимали, что невозможно наложить запрет на действия адресата, которым является народ сам же и обеспечивающий принятие и установление данного Уголовного Закона. Запрещать же конкретному лицу также недопустимо, поскольку уголовное право вынесено из сферы административного права, отношений соподчинения. Запрещать само деяние невозможно, в силу того, что деяние не существует само по себе, без своего субъекта, не является чем-то самостоятельным, способным воспринять запрет. Уголовное право – есть качественная оценка строго ограниченного круга деяний, а так же исчерпывающий перечень последствий и условий, сопутствующих данным формам поведения. И проблема уголовного права именно в том, что оно зависимо от этой *качественности*. Понимая под преступлением часть своего содержания, оно становится заложником этого содержания. Деяния которые являются действительно опасными, но не сформулированные в качестве преступления просто – на просто незримы, так как оцениваются как масса количественного, предстающая противоположностью качественному (признанному преступлением). Это означает невозможность оперативного реагирования (на законном, легитимном

¹⁶ В подтверждение сказанного можно ознакомиться с работой С. Ф. Милюкова «Классификация скрытых преступлений по степени их латентности»//сб. материалов международного семинара. «Латентная преступность: познание, политика, стратегия». М.1993г. стр. 234 – 237. Позиция автора интересна тем, что он относит к преступлению то, что может существовать только как вероятность, не реализуемая в действительность ни при каких обстоятельствах (как известное) только потому, что эта вероятность есть первое условие существования в данном качестве... только лишь как представление о преступлении...

уровне) на запросы современного дня, фактически это означает, что уголовное право защищает в ограниченном объеме, который есть всегда ретроспективное понимание преступления. Соответственно объекты уголовно-правовой охраны не только не защищены от дня завтрашнего, но защищаются ненадлежащим образом днем сегодняшним (отсюда неизбежные злоупотребления при квалификации деяний). Необходимо понимать, что с ростом достижений Научно – технической революции резко изменяется динамизм общественной жизни, за которым сегодняшнее уголовное право, к сожалению, не успевает.

2.1.4. Наказуемость

Все сказанное относительно признака противоправности может быть отнесено и к признаку наказуемости, в гносеологическом отношении он является качественно тождественным ему.

Единственно, то о чем мы уже упоминали, – степень приписываемой личности вины и знания, не совпадают с реальной возможностью понимания среднестатистического человека. Это еще одно следствие сегодняшней методологии.

Так же, пожалуй, следует отметить, что объект наказания выбран неудачно. Свобода лица не может быть объектом воздействия, может быть только сфера реализации свободы, сама же она как категория абстрактного плана качественно неизменна, задана человеку, ее реальное содержание может меняться (о практическом мы здесь умалчиваем). И в тюрьме можно быть сверхсвободным. Пенитенциарная система современности – мать профессиональной и организованной преступности (это хорошо понимали ранее судимые большевики, которые создавали трудовые лагеря, сопрягая лишение свободы с ТФТ).

3. О методе

Методология, которая задана нам познанием объективной действительности предстает в понимании современной философии как следствие представлений вчерашнего дня о методе как о том, благодаря чему возможно познание качества. Метод некоторым образом отстоит от приемов познания и соотносится с ними, как целое и часть. Предполагается, что предмет познается с помощью метода, уточняется им, но в целом существует независимо как часть объективной действительности в форме объектов материального мира, непознанных закономерностей и законов природы, социума и прочее. Хотелось бы отметить, что данный взгляд несколько не соответствует роли метода в формировании представления о чем-либо. Прежде всего метод формирует предмет познания. Предмет познания выступает как представление, стабилизированное в своем восприятии относительно субъекта познания. В этом сущность активного познания.

Катастрофичность положения в науке уголовного права состоит в том, что уголовное право одновременно является и предметом и методом познания. *Оно есть орудие, благодаря которому устанавливается что есть преступление, и оно же пытается познать что есть преступление.* Иными словами, уголовное право в лице правоприменителя формообразовывает в действительности преступление (косвенное содержание науки). Учитывая то, что сегодняшний день стоит на позициях позитивизма, как правового, так и вообще теоретического, как принципа мышления и действия, у нас образовывается круг в доказательстве, где наш тезис (понятие преступления) доказывается, исходя из аргументов тождественных тезису (уголовное право). Именно это означает признак противоправности преступления: деяние «...запрещенное настоящим Кодексом...» (ч.1 ст. 14 УК РФ 1996г), признак виновности лишь качественно заимствован уголовным правом и не является структурирующим по отношению к деянию, тем более, что, как мы показали выше, уголовное право в лице субъекта обвинения мало интере-

сует личность субъекта преступления. Признак же общественной опасности всецело зависит от представления о преступлении, которое в свою очередь зависит от Особенной часть УК.

Данную проблему в отношении права вообще сформулировал еще Георг Вильгельм Фридрих Гегель, но не решена она до сих пор.

Методология которая с «успехом» заимствуется у философии диалектики не годится для действия, она хороша для его образа, для уголовного права необходимы не стандартные клише общего порядка, а методологическая независимая конкретика, чутко реагирующая на запросы современного, без торговли ими в угоду политике, идеологии сегодняшнего или завтрашнего дня.

Целесообразность всего уголовного права – безопасность личности в ее проявлениях (сумме себе подобных и прочее), навязывать ей наше представление о преступлении, а тем более на его основе осуществлять карательные меры просто недопустимо (это опасно, чревато непосредственно революциями).

Заключение

В данной короткой статье мы стремились единственно к привлечению внимания к проблематике, которая, как нам кажется, не лишена своего смысла. Дальнейшие рассуждения были бы не только обременительными в рамках данного стиля, но и излишне в силу громоздкости доказательственной базы.

Мы уверены в том, что многое из того, что было здесь названо, но не раскрыто найдет отклик как у теоретиков права, так и у практических работников, – поиск истины сугубо индивидуальное занятие при коллективной организации. Если данная работа привлекла внимание к проблематике, очерченной в ней, то ее функция уже выполнена.

Ростов-на-Дону, 20.07.2000

О составе преступления¹⁷

В свое время Платон выдвинул оригинальную концепцию идеального устройства бытия, в соответствии с которой сущность любого предмета подчиняется и, соответственно, доступна для познания через проникновение и сопричастность его «эйдосу». Данная концепция познания не нашла широкого практического распространения как методология в силу явной простоты, хотя для своего времени была революционной.

В то же время в современном законодательстве, в частности в уголовном праве, с успехом реализован методологический базис «теории идей» Платона. Эйдосом нашего уголовного закона, тем, чему подчинено все и вся, тем, благодаря чему возможно познание сущности уголовного права, является конструкция состава преступления, виртуозно разработанная в платоновском стиле, как нашей доктриной, так и в области правоприменения.

Действительно, ключом к пониманию нормы уголовного права, всем тем, что соединяет в себе познавательные функции закона, выступая центральным конструктом закона, является понятие состава преступления. Более того, состав преступления, его наличие или отсутствие в совокупности законодательно указанных признаков, является единственным основанием для привлечения лица к уголовной ответственности. Именно на основании познания преступления через состав преступления осуществляется деятельность армии правоприменителей, осуществляется публично-организованное насилие, государственная власть. С учетом того, что уголовная ответственность выступает «предельностью» формально реализуемых полномочий государства в отношении личности, естественно ожидать, что состав преступления, его понятие и сущность должны быть структурированы самым тщательным образом. Действительно, даже текст закона призывает к воплощению принципа Р. Декарта «ясно и отчетливо», о чем свидетельствует, например, ст. 8 УК РФ «Основание уголовной ответственности»: «Основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом». Более того, сама практика снимает чуть было возникшее противоречие между *понятием преступления*, сформулированного ст. 14 УК РФ, и *понятием состава преступления*. Так, основанием для возбуждения уголовного дела согласно ч. 2 ст. 140 УПК РФ «Поводы и основания для возбуждения уголовного дела» является «наличие достаточных данных, указывающих на *признаки преступления*» (выделено авт. – Р.Ч.), но в то же время основанием отказа в возбуждении уголовного дела является отсутствие в деянии состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). Георг Вильгельм Фридрих Гегель рукоплескал бы нашему законодателю, расположившему столь удачно триаду развития идеи преступления, где соответственно тезисом является позитивная верифицированность закона (признаки преступления, указанные в законе – *nullum crimen sine lege*), антитезисом – идеальная конструкция, противостоящая практическому тезаурусу признаков и существующая в форме идеи независимо от последних (состав преступления), а синтезом – сознание правоприменителя, усматривающего, что в совокупности признаков преступления и при их наличии отсутствует состав преступления (снятие противоречия реального и идеального). Более того, правоприменитель не только не боится следовать путем диалектического развития духа, но, имея на вооружении подобный инструментарий, выносит судьбоносные решения, синкретично сочетая идеальное и реальное. Большинство отмененных приговоров, прекращенных дел – за отсутствием в деянии состава преступления. Это позволяет сделать вывод, что состав преступления как теоретическая конструкция уголовного права является центральной категорией, наличие или отсутствие которой и позволяет принимать решение

---

¹⁷ Статья опубликована в ежемесячном информационно-аналитическом журнале о практическом применении законодательства «Адвокат» №10 октябрь 2006г.

в цепи «общее – единичное», где последнее является предметом уголовно-правовой квалификации. Это, безусловно, удобнее индуктивного метода криминализации преступных посягательств, реализованного, например, в англосаксонской системе права.

Какова же общая конструкция этого органа познания преступления? Сразу оговоримся, что в теории уголовного права признаки состава преступления, упомянутые в ст. 8 УК РФ, трансформируются в элементы, что логически верно, – не может же быть такого, чтобы УК РФ был просто сводом деяний, именуемых преступлениями и имеющих свои признаки. Наоборот, признаки преступления отнесены к области деяния и существуют вне связи с лицом и соответствующей для него уголовной ответственностью, в то время как состав преступления объединяет в себе и лицо, и деяние, образуя с последним единое целое. На практике уголовное дело возбуждается и в отсутствие лица (в отношении неустановленных лиц), но при наличии деяния, подпадающего под признаки преступления.

Согласно классической, общепризнанной и доказанной концепции выделяется четыре элемента состава преступления: объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона. Именно совокупность данных четырех элементов является основанием для уголовной ответственности. Теоретически применение данной конструкции в практике позволяет избегать ошибки в квалификации, а следование норме ст. 8 УК РФ обеспечивает неприкосновенность личности от необоснованного уголовного преследования.

Следует отметить, что конструкция состава преступления удивительным образом похожа на конструкцию бытия, разработанную «конкурентом» Платона – Стагиритом (Аристотелем) о четырех причинах бытия. Действительно, целевая причина соответствует мотиву, умыслу преступника, прочим состояниям психики, наличие которых идеально отрицает должно установленное положение вещей (субъективная сторона и объект), формальная причина соответствует обстановке, форме структурирования пространства и времени, и определяемым ими действиям (объективная сторона), движущая – тому, благодаря кому устанавливается определенное состояние реальности (субъект), материальная – результату воплощения целевой причины в действительном (так называемые вредоносные последствия, которые не входят в состав преступления, но являются приоритетными для криминализации – ст. 14 ч. 2 УК РФ). Есть одна тонкость – структурное несовпадение. Разница между классической парадигмой бытия Аристотеля и конструкцией состава преступления есть результат автономности развития формально-юридической научной мысли современности. Из современных гносеологических традиций совершенно исключена универсальность познания, включающая в себя исследование всех представлений о предмете (основа философии А. Шопенгауэра). Преступление понимается не как конкурирующая с общепринятой форма реальности, а как исключительный факт действительности, девиация, лишённая социального основания, права на существование. В свое время людологическая школа познания подвергла это положение вещей фундаментальной критике – не будем повторяться.

Следует признать, что руководствоваться в квалификации конструкцией Аристотеля намного выгоднее, чем конструкцией состава преступления, если, конечно, придерживаться того тезиса, что уголовно наказуемыми являются реально существующие явления в форме действительного, а не идеальные объекты (планы, мысли, намерения). Оторванность и искусственность состава преступления есть следствие систематизации и канонизирования ряда уступок, допущенных при его структурировании в угоду политической воле. Не забудем о том, что за каждым приговором суда стоит конкретный человек, действия которого осуждены государством и, если этот человек доверяет государству осуждать себя, то он имеет право, как минимум, на законность своего осуждения и разумность закона, а как максимум – на мудрость судьи. В идеале последний должен получать мудрость не из доктринальных источников и теоретических конструкций (каковым и является состав преступления), а непосредственно из закона (закон, право как форма познания).

Смысл конструкции четырех причин состоит в том, что реально существует только то явление, которое содержит в себе все четыре причины, определяется ими в своей сущности как именно данное явление. Этот вывод продуцирован Аристотелем из конструкции идеального и реального (бытия в возможности и бытия в действительности), которые располагаются определенным образом относительно причин. Именно поэтапный анализ восхождения от целевой причины к материальной и может служить основанием для того, чтобы определить, что является и существует только как идея (бытие в возможности), а что является реальным бытием, явлением.

То же самое можно сказать и в отношении преступления. Если мы исходим из того, что преступление – это социальное явление, деяние, то преступлением может быть только то, что имеет в своей основе четыре причины бытия, соответственно, существует в области действительного, а не предположения о существовании в действительном власть придержащего лица, пусть даже это предположение и сделано в законодательной форме.

Однако современная конструкция состава преступления позволяет подвергать уголовному преследованию за мысли и намерения (например, ч. 1 ст. 209 УК РФ), структурировать конкретные составы преступления таким образом, что на их основе возможно подвергать уголовному преследованию за любое деяние (ст. 330 УК РФ). Положения ст. 8 УК РФ находятся в явном противоречии с нормами процессуального права (в ст. 140 УПК РФ речь идет о признаках преступления), они легализуют необходимость законодательной криминализации, не давая при этом никаких сдерживающих механизмов методологического характера, *одно временно оправдывая любые репрессии, возможность которых будет законодательно закреплена*. Если демократия не сложилась как норма приличия, то для ее создания недостаточно провести выборы в парламент.

В итоге преступлением признается не то, что уничтожает бытие государства (при том, что право – это бытие в возможности государства, а государство – бытие в действительности права) в рамках «здесь и сейчас», а то, что названо уголовным законом как преступление. Формой познания преступления является исключительно текст закона, граждане и само государство лишены возможности внепозитивистского анализа преступления. Эта методология лежит уже за пределами методологии, как Платона, так и Аристотеля, являясь воплощением в жизнь древнейшего мифологического принципа: «существует только то, что названо», а следовательно, не подчиняется ни законам *ratio*, ни законам идеала как высшей формы и предельности познания. По сути так оно и есть сегодня. Существует каста «жрецов», называющих что-то преступлением (Федеральное Собрание и Президент) и каста сведущих (наша титульная доктрина), которые исходя из интересов божества, именуемого государством, называют преступления, вводя описание этого в уголовный закон. Прав был Гегель: если Бог и существует, то этот Бог – государство.

Но прав был и В. Соловьев – государство необходимо не для того, чтобы сотворить рай на земле, а для того, чтобы не допустить ада земного.

Проблема квалификации преступления носит глубоко гносеологический характер. С учетом того, что бесспорно можно подчиняться только разуму, возникает вопрос: каким образом должно быть структурировано представление о преступлении, при том, что идеальной задачей привлечения к уголовной ответственности (включающей в себя наказание) является исправление? Очевидным является то положение, что реализация государством принуждения в отношении преступника должна доказать последнему и обществу неправоту преступного поведения. Возможно ли это, если само представление о преступлении, реализованное в рамках текста уголовного закона, является вымышленным, придуманным искусственно, т.е. противоречит законам организации социальной материи? Является замкнутым на методологию, доступную и оправдываемую в рамках самого же правоприменения, базирующегося на данной методологии (конструкция состава преступления)? Думается, ответ будет отрицательным.

Впрочем, последователей Платона это не беспокоит (идеальное государство Платона: аристократы, стражники, рабы плюс торговцы под вопросом). Однако гносеологический опыт идейного вдохновителя и наставника Александра Македонского видится более перспективным для построения демократии западного типа.

Преступление видится именно как парадигма бытия, состоящее из четырех причин бытия, без всяких «купюр называния» (формальные, усеченные, материальные составы и прочее). Такое понимание преступления позволяет донести смысл правоприменения не только до компетентных контролирующих вышестоящих органов (никого, например, не удивляет прецедент, *de facto*, решений Верховного Суда РФ), но и до каждого участника правосудия, создав подлинное снятие социальных противоречий, восхитительно описанное Гегелем в его триаде (установленный порядок вещей – тезис, преступление – антитезис, ответственность – синтез, снятие противоречия). А в дальнейшем позволит исключить уголовное преследование из числа политических инструментов воздействия власти.

Подобный анализ преступления не совсем возможен в аристотелевской традиции, изложенный подобным образом данный вопрос занимал бы слишком большой объем. Обычно для упрощения и универсализации прибегают к той базе лудологической методологии, которая была наработана за последнее время. Операционная база здесь объединяет в себе две конструкции: четыре причины бытия и парадигму бытия. Парадигма бытия как предельно конечная форма бытия состоит из двух сфер бытия: бытия в возможности (бытие мысли) и бытия в действительности (эмпирически заданная действительность). Бытие не обнаруживает себя вне мысли, а мысль не обнаруживает себя вне бытия (сравните, Гегель: все действительное разумно, все разумное действительно). Бытие в возможности в лудологической традиции в формулах обозначается латинским «V», бытие в действительности – «D». Между возможностью и действительностью располагается процесс перехода из возможности в действительность – энтелехия. При этом действует закон: пока есть становление, нет ставшего, когда есть ставшее, нет становления (сравните, Эпикур: пока есть человек – нет смерти, когда есть смерть – нет человека). В формулах энтелехия как переход, воплощение возможного в действительное обозначается знаком тире («-»). Парадигма бытия раскладывается соответственно по четырем причинам бытия, где целевая соответствует бытию в возможности, движущая – субъекту энтелехии, формальная – энтелехии, без результата реализации, бытие в действительности – материальной. В общем, весьма непросто таким образом анализировать реальность, но все же действительно, поскольку позволяет формулировать социальные процессы, алгоритмируя их.

Например, универсальная формула преступления выглядит следующим образом:

$$\begin{aligned} &(\dots) - (Va - Da) - Va - (\dots) > (Va - Da) - Va + (Vb - Db - Vb) > \\ &(Va - Vb) - (Da - Db) = Va - b - Da - b = Va - Da \text{ или } Vb - Db. \end{aligned}$$

Так как возможность может существовать в противоречиях, каждое из которых может казаться истинным, то конечная общая формула бытия преступления как криминализованного деяния выглядит следующим образом:

$$V(2) = Da - Db,$$

где Va – бытие в возможности общественного плана, должное бытие в возможности, установленный обществом порядок вещей, сложившийся в результате коллективного общежития в неопределенно долгий период времени, и конституированный обществом в нормах права. В традиционной теории уголовного права сопоставлен объекту преступления. Здесь следует понимать, что преступление существует как представление общества о преступлении и как форма деяния (субъективно). Цепочку $(Va - Da) - Va$ следует понимать как замкнутую парадигму

частного порядка (Va-Da) соответствующую общей идеи Va. При этом частный случай (парадигма частного порядка) только таковой и является, что соответствует общей идее, должному образу вещей, принесенному в субъект данной парадигмы и составляет его сущность, которую он осознает как собственное подлинное состояние своего сознания, и которое реализует, непременно желая этого (быть правильным, не нарушать закон, быть честным и прочие параметры социального общежития). Часть формулы $(Va-Da) - Va + (Vb-Db) - Vb$ отражает обязательный элемент столкновения в действительном двух конкурирующих форм организации социальной парадигмы (нормы и преступления). При этом механизм преступного поведения, парадигма преступления, аналогична общественной парадигме. *Преступление – это не исключение из действительности, это форма действительного.* Данные парадигмы взаимоисключающие, и если в области бытия в возможности противоречия могут существовать одновременно неопределенно долгий срок, то в действительном в одном и том же месте, в одно и то же время существование двух противоречий действительности всегда представляет собой процесс снятия, антагонизм, по результатам которого остается лишь одно противоречие, которое и составляет наличное действительного. При этом каждый конкретный случай (а действительность всегда конкретна и задана рамками чувственного) столкновения меньше накопленного ранее опыта и существующих ситуаций на тот момент ($>$) и всегда больше конечного будущего результата, поскольку представленные парадигмами противоречия в любом случае в будущем будут сняты ($>$). Поскольку мир существует относительно воли человека только проходя через область сознания, восприятия, далее конкуренция парадигм приобретает вид $(Va-Vb) - (Da-Db)$, где область возможного представлена воспринятыми противоречиями в виде бытия в возможности нормы и преступления, а действительность двумя разными действительностями – долженствованием нормы, которая уничтожена действительным преступлением. Далее действительность трансформируется в двухстороннюю парадигму, где и возможность, и действительность представлены как результат наличия двух противоречий, воспринятых, как в области возможного, так и действительного $(Va-b-Da-b)$. Именно данная ситуация и требует внешнего вмешательства государства, поскольку это деформированная (девиационная) форма, не соответствующая образу долженствования, заложенному изначально (Va). Соответственно, необходимо снятие, исключение одного из противоречий. В зависимости от того, удастся ли это сделать государству, действительность либо восстанавливается, либо сама парадигма, ранее считавшаяся преступлением, подменяет собою действительное и, в дальнейшем циклично реализуясь в среде неперсонифицированного круга лиц, приобретает форму должного, нормы. Результатом всей данной цепи является представление о преступлении как о зеркальном негативном отражении действительного, выражаемое формулой $V(2) = Da-Db$. Преступление только тогда и является преступлением, когда изначально известно, что бытие в возможности имеет две формы развития – апробированную общественную, поддерживаемую (титуюльную) и негативную, отрицающую первую (преступную) – *nullum crimen sine lege*. При этом форма структурирования бытия в возможности обоих видов равнозначна – закон. Соответственно, и действительность, реализуемая на основе данной возможности, представлена противоположными формами Da-Db, но опять же здесь они всегда находятся в процессе взаимодействия и не могут составлять единую действительность вида Da-b, там где есть преступление – нет государства, а там где есть государство в действительном – нет преступления. Преступление в рамках своей реализации уничтожает конституированные обществом, государством ценности, подменяя действительное. И наоборот, государство подменяет действительность, созданную преступлением, извлекая преступника из им созданной реальности и заменяя ее на новую (тюремное заключение и прочее).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.